

Ситников Кирилл Алексеевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и
права, Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя,
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12,
email: kirillsa@mail.ru

Sitnikov, Kirill A.,
PhD in Law, Associate Professor,
Department of Theory of State and Law,
Kikot' Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
12 Akademik Volgin Str., Moscow,
117997, Russian Federation,
email: kirillsa@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВА И ПАМЯТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

THE RELATIONSHIP BETWEEN LAW AND MEMORY IN THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY POLITICAL AND LEGAL THOUGHT OF THE MID-19TH AND EARLY 20TH CENTURY

АННОТАЦИЯ. В статье проводится анализ взглядов ряда выдающихся отечественных мыслителей (И. В. Киреевский, П. И. Новгородцев, Б. Н. Чичерин, Л. И. Петражицкий, Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен) в отношении наличия в их работах идей о соотношении памяти (в первую очередь коллективной) с правом.

Исследование демонстрирует, что, несмотря на различия в методологических парадигмах (идеалистических и материалистических), все мыслители признавали ключевую роль памяти в существовании такого феномена, как право. Представители идеализма отождествляли право с формализованной памятью коллективов (хранилищем социального опыта), обеспечивающей легитимность власти и законов. Материалисты подчеркивали консервативное значение памяти.

Хотя мемориальная функция права не была прямо сформулирована в трудах того времени, на основе представленных идей автор статьи приходит к выводу о том, что память неразрывно связана с процессами зарождения, развития и функционирования права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: функции права, социальные функции права, мемориальная функция права, память, коллективная память, политика памяти

ABSTRACT. The article analyzes the views of a number of prominent Russian thinkers (I. V. Kireevsky, P. I. Novgorodtsev, B. N. Chicherin, L. I. Petrazhitzky, N. G. Chernyshevsky and A. I. Herzen) regarding the existence in their works of ideas about the relationship of memory (primarily collective) with law.

The study demonstrates that, despite differences in methodological paradigms (idealistic and materialistic), all thinkers recognized the key role of memory in the existence of such a phenomenon as law. Representatives of idealism identified law with the formalized memory of collectives (a repository of social experience), which ensures the legitimacy of government and laws. Materialists emphasized the conservative importance of memory.

Although the memorial function of law was not explicitly formulated in the writings of that time, based on the ideas presented, the author concludes that memory is inextricably linked to the processes of the origin, development and functioning of law.

KEYWORDS: functions of law, social functions of law, memorial function of law, memory, collective memory, memory policy

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ситников, К. А. Взаимосвязь права и памяти в отечественной дореволюционной политико-правовой мысли середины XIX – начала XX века / К. А. Ситников. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 47–55. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-6

FOR CITATION:

*Sitnikov, K. A. (2025) The Relationship Between Law and Memory in the Russian Pre-Revolutionary Political and Legal Thought of the Mid-19th and Early 20th Century. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(2): 47–55 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-2-6*

Выдающийся отечественный ученый Д. С. Лихачев писал: «Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самими собой и перед потомками» [10, с. 203]. Однако сохранение памяти, в частности наиболее социально значимой информации, – вопрос не только духовного совершенствования человека, но и выживания как отдельных людей, так и целых коллективов. По справедливому замечанию израильского философа Ю. Н. Харари, особенности человеческого мозга объективно ограничивали возможности первобытного общества собирателей и охотников для дальнейшего развития (как качественного, так и количественного) [28]. Если на первом этапе выход из ситуации был связан с появлением знаковой системы, то в дальнейшем, ввиду очередной «проблемы роста», ключом к ее решению стало появление такого особого социального феномена, как право.

Исходя из вышесказанного, неудивительно, что вопросы взаимосвязи памяти и права занимали умы исследователей в самых разных уголках нашей планеты еще с древних времен. Не могла она не заинтересовать и представителей отечественной философской и политико-правовой мысли. Обусловлено это в том числе и тем, что для русской традиции, как отмечал А. Ф. Лосев, характерно более глубинное познание сущего и значительно большая «живость» в сравнении с западными изысканиями [11, с. 70–71].

Так, еще в середине XI в. в выдающемся произведении древнерусской литературы «Слово о законе и благодати» митрополит киевский Иларион указывал на взаимосвязь социального бытия с сохранением памяти о предках. В контексте обоснования власти современных автору правителей очевидно прослеживается идея взаимосвязи легитимности власти и формируемого правового массива с памятью о прошлых правителях, их благодеяниях, основных ценностях и традициях народа, обеспечивающих его поступательное социальное развитие.

Вместе с тем своего пика (или расцвета) отечественная философская и политико-правовая мысль достигает к концу XIX в. На аналогичные хронологические границы эволюции юридической науки в Российской империи приходится период, получивший устоявшееся название «золотой век» [27]. Активные работы

велись не только по оптимизации отраслевого законодательства, а также теоретическому обоснованию таких изменений, но все большее внимание уделялось и общей теории права. Закономерным видится тот факт, что с этого момента появляются работы, в которых можно встретить более частые упоминания о связи права/законов/власти и памяти.

В первую очередь рассматриваемую нами проблематику затрагивали ученые, которых традиционно относят к представителям идеалистического подхода к познанию: И. В. Киреевский, П. И. Новгородцев, Б. Н. Чичерин, Л. И. Петражицкий.

Однако в дореволюционный период можно встретить идеи о связи памяти и права и в трудах, основанных на материалистическом подходе. В частности, наибольшую ценность в данном контексте для нас могут представлять взгляды Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена.

Одним из наиболее неоднозначных по своим философским воззрениям отечественных мыслителей XIX в. можно назвать Ивана Васильевича Киреевского (в связи с чем разные авторы относят его и к западникам, и к славянофилам) [1]. Наиболее четкое представление о взглядах на соотношение памяти и права рассматриваемого ученого можно получить, опираясь на его последнюю работу «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России». Мыслитель полагал, что российское право самобытно, перенесение на нашу землю опыта Великобритании или Франции лишь пагубно скажется на нем. Если «римско-западная юриспруденция» основана на формах (или вернее было бы сказать – формулах), то российское – «вырастает из жизни»; если для первого важнее внешняя формальность, то для второго – внутренняя справедливость [8, с. 280].

Вне всякого сомнения, И. В. Киреевского можно упрекнуть в излишней идеализации российского права как сущностно превосходящего любые зарубежные аналоги (по этой причине его нередко называют «отцом славянофильства»). Кроме того, чрезмерным видится и столь принципиальное разграничение отечественного и «иноземного» права – по той причине, что сущность и природа права являются универсальными его характеристиками и не могут быть всецело детерминированы пространственными или темпоральными факто-

рами. Вместе с тем автор приходит к ряду значимых выводов о взаимосвязи памяти и права.

Во-первых, как уже было отмечено ранее, право – результат общественных отношений. Наиболее очевидно это прослеживается на примере правовых обычаев, которые не изобретались «предварительно какими-нибудь учеными юрисконсультами» [8, с. 280]. Закон, по И. В. Киреевскому, – формализованная память о быте народа. Том быте, который видится в качестве необходимого.

Во-вторых, порядок в государстве возможен только при соответствующем уровне уважения законов. Оно, в свою очередь, обусловлено осознанием пользы данных правил поведения, а осознание формируется в том числе под влиянием накапливаемого и передаваемого из поколения в поколение опыта.

В-третьих, уважение к формальной стороне права обусловлено «уважением к преданию» [8, с. 291]. То есть государственное юридическое право пользуется авторитетом в том числе благодаря памяти о том, что в схожих формах ранее заключались наиболее рациональные и отвечающие интересам людей правила поведения.

Не менее интересны и идеи о взаимосвязи права и памяти, принадлежащие выдающемуся представителю отечественного либерализма Павлу Ивановичу Новгородцеву, одной из центральных идей в работах которого было возрождение естественного права. Сущностно, по его мнению, право – это результат длительного и многогранного процесса борьбы различных социальных сил. Отражая такие противоречия, право одновременно есть результат их разрешения, оно постоянно находится в поиске правды и справедливости для своих современников [7]. Уже здесь мы можем видеть такие сущностные черты права, как установленность на предотвращение и устранение конфликта, а также классовость.

«Потребность общения и противоречие частных стремлений (классовых и индивидуальных) – таковы две элементарные аксиомы, от которых должен отправляться каждый исследователь общественных явлений», – отмечает выдающийся русский юрист [14, с. 103]. Аналогичным образом действует и коллективная память. Она призвана устранить социальные противоречия, обеспечивая основу для объединения как отдельных индивидов, так и их

групп. Исходя из концепции П. И. Новгородцева, обеспечить достижение данной цели способно именно право. На определенном этапе развития общества, по его мнению, право отделяется от нравственности, с одной стороны, вступая с ней в противоречие, а с другой – подерживая и сохраняя.

«...Нравственные заповеди не должны... связывать свободы человека мелочными и подробными определениями его действий», – полагал мыслитель [14, с. 108]. Однако, по нашему мнению, стоит понимать, что при предоставлении такой свободы нравственные нормы могут быть преданы забвению. Именно в подобные моменты «распада» памяти «на помощь ей является право со своими средствами внешнего принуждения» [14, с. 113].

В связи с этим можно предположить, что по концепции П. И. Новгородцева о сущности права и его связи с нравственностью (моралью) оно представляет собой некое хранилище исторического опыта. То есть право мемориально и существует во многом благодаря тому, что хранит в себе память о наиболее справедливом, должном. Роль хранилища обеспечивает ему легитимность. В связи с этим законы, с чем нельзя не согласиться, должны опираться на уроки прошлого. Благодаря этому они в большей степени будут поддерживаться народом и отвечать его потребностям [13].

Одновременно с этим мыслитель заявлял: «...Историческая наука говорит о том, что есть и что было, но она ничего не говорит о том, что должно быть. Нельзя ожидать здесь помощи и от социологии» [15, с. 304–305]. Подобная позиция представляется ошибочной и обуславливается, по нашему мнению, упомянутой ранее метафизической методологией, выступавшей в качестве основы для трудов ученого, одновременно ограничивавшей его. Хотя общественный процесс – не простое повторение циклов, история (как и социология) позволяет изучить характер возникавших и существующих в обществе противоречий, благодаря чему – спрогнозировать дальнейшее развитие. Точно так же коллективная память (особенно получившая свое оформление в праве) как набор воспоминаний – основа для дальнейших социальных процессов. Право, формируя и охраняя этот набор образов прошлого, соединяет наиболее удачные, эффективные, полезные элементы из

минувших дней с настоящими и будущими социальными практиками.

Отдельное место философскому осмыслению государственно-правовой проблематики, строящемуся на идеалистических началах, отводится и в работах еще одного представителя отечественного либерализма – Бориса Николаевича Чичерина [4].

В своих трудах мыслитель указывал, что право – неотъемлемая часть любого человеческого общества, позволяющая разумно ограничивать свойственный человеку по его природе эгоизм. Исследуя проблематику соотношения нравственности, свободы и права, Б. Н. Чичерин пришел к выводу о том, что свобода выступает в качестве основы для возможного существования как права, так и нравственности. При этом от требований последней человек ввиду своего несовершенства может уклониться. В этих случаях необходимо прибегать к помощи правовых предписаний [6, с. 21].

Нельзя согласиться с утверждением философа и правоведа о том, что нравственный закон неизменен и вечен, поскольку его содержание не может быть оторвано от общественных отношений, которым свойственна изменчивость. В противном случае нормы нравственности бы были абсолютно оторваны от социальной практики и со временем перестали бы обладать каким-либо авторитетом ввиду их полной иррациональности. Однако Б. Н. Чичерин справедливо замечает, что государственный закон сообразен времени, в котором он действует. Полагаем, что правильнее было бы говорить о разнице в степени динамичности. Право, особенно если речь идет о государственном юридическом праве, отличается гораздо большей изменчивостью ввиду своего большего инструментального значения [6, с. 22–23].

Анализируя взаимосвязь нравственности и права, Чичерин, в отличие от И. В. Киреевского, устанавливал между ними строгую границу. При этом оба социальных регулятора, по его мнению, строятся на основе общих ценностных оснований [6, с. 21]. С последним нельзя не согласиться, поскольку ценности, как отмечает А. И. Клименко, – это не «произвольный набор... сконструированных... стандартов» [9, с. 2]. Они складываются объективно, выражая (и в случае нравственности, и в случае права) потребности и интересы индивидов и их групп.

Именно в положениях работ Б. Н. Чичерина о связи права и нравственности, их ценностных основаниях, а также соотношении права и государства можно найти косвенные указания на феномен коллективной памяти.

Во-первых, для мыслителя память, как индивидуальная, так и коллективная, выступает в качестве отправного начала для осознания человеком своей свободы: «И внутренний, и внешний опыт равно убеждают нас, что существует субъект, способный направлять свои действия. Субъект не есть пустоеместилище, а деятельная сила, и все его действия, насколько они определяются внутренним самосознанием, состоят от него в зависимости» [26, с. 39]. Хотя данный тезис строится на идеалистическом миропонимании, он не лишен рациональности: любой человек принимает решение о действии или бездействии (в том числе имеющих правовое значение), обусловленное процессами предшествующего социального взаимодействия и насыщения личного опыта через коллективные воспоминания «мы»-групп, к которым он себя причисляет.

Во-вторых, как отмечалось ранее, Б. Н. Чичерин разграничивает нравственность и право, не считая последнее «минимумом нравственности» или его низшей ступенью. У данных явлений самостоятельная природа и значение. Поскольку для философа нравственный закон в отличие от права вечен, то и «содержание он получает из опыта, но формальные начала, к которым сводится это опытное содержание, устанавливаются им самим» [26, с. 171]. То есть даже несмотря на идеалистические установки, Б. Н. Чичерин полагает, что из коллективного опыта «вырастают» постепенно правила поведения. Отсюда можно прийти к следующему выводу: правовые нормы и институты формируются на основе коллективного опыта / памяти – в данных нормах консервируется и формализуется память о таком опыте, благодаря праву данная память транслируется из поколения в поколение.

В-третьих, коллективная память основана на национальной самоидентификации: «Общие воспоминания, стремления и привязанности, память о совершенных вместе подвигах и прожитых испытаниях теснее связывают людей, нежели что-либо другое» [25, с. 312]. Отсюда вытекает и необходимость в конструиро-

вании (формировании и сохранении) памяти народности, «выражением» которой выступает государство: «Если в образовании народности важнейшим фактором является история, то в этом отношении значительнейшая роль принадлежит государству» [25, с. 312].

Особый интерес в силу концептуальных положений основанной им психологической школы права представляет учение выдающегося правоведа, философа и социолога Льва Иосифовича Петражицкого.

По мнению мыслителя, право представляет собой особое психическое явление, неразрывно связанное с миром человеческих эмоций. Представление же о праве как о совокупности норм для него виделось «наивным проецированием» содержания сознания на трансцендентный по отношению к нему мир [22, с. 28].

«Право есть психический фактор общественной жизни, и оно действует психически. Его действие состоит, во-первых, в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержаниям (мотивационное или импульсивное действие права), во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера, в ослаблении и искоренении других, вообще в воспитании народной психики в соответствующем характеру и содержанию правовых норм направлении (педагогическое действие права)», – писал в одной из своих работ Л. И. Петражицкий [18, с. VII]. В связи с этим мы можем говорить, что согласно психологической теории право не просто выполняет регулятивную функцию, но и влияет на сознание и память (поскольку и само формируется в результате сохранения в памяти индивидов и их коллективов пережитых эмоций). Право воздействует на людей системно, в результате чего связанные с ним психические переживания закрепляются в памяти и выступают в качестве основы для устойчивой ролевой модели поведения. Таким образом, память – это связующее звено между индивидуальным опытом и регулированием поведения людей.

Л. И. Петражицкий разделял право на позитивное и интуитивное. Первое – официальное, установленное государством, а второе – напротив, неофициальное, основанное на индивидуальных психических переживаниях.

Говоря о первом, ученый отмечал: «...с течением времени в областях действия устной тра-

диции и памяти происходят разные частные изменения содержания представляемых нормативных фактов, например, содержания законодательных, начальственных распоряжений, смысла и характера обычаев предков и т. д., – и соответственно изменяется содержание подлежащего позитивного права, хотя сами бывшие объективные факты не могут изменяться» [19, с. 413]. В данном случае усматривается прямая зависимость процессов по формированию позитивного права от состояния (как с точки зрения количественного, так и качественного / собственно содержательного богатства воспоминаниями) коллективной памяти.

Кроме того, исследователь, размышляя о признаках правовых обычаев, обращал внимание и на такой феномен, как дефект коллективной памяти: «...в области права старины, обычаев предков бывают явления перерывов и восстановления соблюдения старины вследствие восстановления в памяти подлинной старины» [19, с. 441]. То есть действующие в определенном пространственно-временном континууме правовые нормы могут быть результатом фальсификации или ненамеренного искажения в коллективной памяти образов, имеющих наибольшее социальное значение.

Интересна взаимосвязь памяти и с выделяемым Л. И. Петражицким интуитивным правом. Оно, по мнению философа, возникает из личных эмоций и опыта, которые сохраняются в памяти индивида. Ощущения справедливости/несправедливости, обиды/благодарности связаны с конкретными воспоминаниями (как личными, так и полученными в результате социальной коммуникации). Со временем они становятся источником для формирования личной правовой нормы. Исходя из этого, позитивное право – в некоторой степени результат диффузии индивидуальных воспоминаний в виде позитивации интуитивного права («тенденции бессознательно-удачного социального приспособления соответствует... развитие определенных правовых обычаев, вообще позитивация права» [19, с. 186]).

Таким образом, согласно концепции Л. И. Петражицкого, с одной стороны, память – ключевой элемент в механизме формирования правовых норм (как интуитивного, так и позитивного права) как сохранения в памяти и трансформации в устойчивую поведенческую

модель повторяющихся психических переживаний. С другой стороны, право формирует коллективную память. Оно закрепляет в сознании общества определенные ценности, нормы и модели поведения. Право в связи с этим выступает в качестве «хранителя» коллективной памяти.

Работ отечественных авторов, написанных в дореволюционный период, которые бы затрагивали проблематику соотношения права и памяти с позиций материалистического понимания вещей, сравнительно меньше. Однако, по нашему мнению, это обусловлено не тем, что идеалистическая философия была гораздо более распространена (ошибочность такого представления обстоятельно обоснована А. Д. Суховым [21]), а самой сутью подходов и их постепенным развитием. Для идеализма в целом более характерно обращение к сознанию, мышлению и памяти. Вместе с тем говорить, что в конце XIX в. вовсе не было работ представителей материалистической традиции, в которых бы содержались идеи о взаимосвязи права и памяти, было бы ошибочно.

Рассматриваемая проблематика косвенно затрагивалась в работах одного из основоположников русского социализма Николая Гавриловича Чернышевского, поскольку он рассматривал «государство» и «право» как категории исторического характера, которые возникают и наделяются определенными характеристиками в зависимости от особенностей конкретного исторического этапа развития общества (а в дальнейшем как феномены они, согласно концепции мыслителя, и вовсе должны были отмереть) [5, с. 12].

Сущность как государства, так и права, по мнению автора, заключалась в необходимости обеспечения благами частных лиц, что достигалось путем улучшения материального быта, а также совершенствованием просвещения и расширением степени индивидуальной самостоятельности человека [5, с. 12].

С одной стороны, можно усмотреть в трудах философа ссылку на память как основу конструирования социальных норм. «Мышление состоит в том, чтобы из разных комбинаций ощущений и представлений, изготовляемых воображением при помощи памяти, выбирать такие, которые соответствуют потребности мыслящего организма в данную минуту, в

выборе средств для действия, в выборе представлений, посредством которых можно было бы прийти до известного результата», – писал Н. Г. Чернышевский [23, с. 79]. При этом развитие законов, по его мнению, обусловлено не только экономическими факторами, но и немалым влиянием рассудка человека [5, с. 26]. В связи с этим выстраивается логическая цепочка: материальные условия жизни – память (на основе которой выбираются необходимые ощущения и представления) – рассудок – закон.

С другой стороны, ввиду своих социалистических взглядов общественный деятель и публицист относился достаточно скептически к обычаям как формализованной памяти коллективов. Он видел в ней потенциальный тормоз для общественного развития, что нашло свое отражение в известном произведении «Что делать?»: «Нам закрыты обычаями пути независимой деятельности, которые не закрыты законом. Но из этих путей, закрытых только обычаями, я могу вступить на какой хочу, если только решусь выдержать первое противоречие обычая» [24, с. 241]. Вне всякого сомнения, обычаи могут быть несколько ригидны ввиду механизма своего образования, но вместе с тем критика современных Н. Г. Чернышевскому правовых институтов связана далеко не с сохранением правом коллективной памяти или правом как собственно памятью. То есть речь идет не о мемориальной дисфункциональности права. Право призвано достоверно закреплять наиболее рациональные и эффективные практики не только для прошлого, но и для настоящего. Обращение к истории в данном случае должно восприниматься как не более чем акт политического характера, который противоречит сущности и природе права, его законам развития.

Некоторые идеи в рассматриваемой области можно обнаружить в работах другого отечественного публициста и мыслителя – Александра Ивановича Герцена.

Один из апологетов русской революционной демократии, А. И. Герцен полагал, что право в некоторой степени подчинено морали, играя лишь вспомогательную роль «ночного сторожа» [12; 16]. Учитывая политико-правовые воззрения писателя, представляется закономерным его критическое отношение к консерватизму. Он полагал, что людям свойственно

стремиться сохранить закрепившиеся устои и быт, народ инстинктивно консервативен. Продолжительность воспроизводства при этом лишь упрочняет, по его мнению, доверие к моделям поведения: «Чем народ дальше от движения истории, тем он упорнее держится за усвоенное, за знакомое» [3, с. 543].

Одновременно с этим он признавал легитимирующую роль коллективной памяти: «Старый порядок вещей крепче признанием его, чем материальной силой, его поддерживающей» (цит. по: [17]).

Примечателен и тот факт, что сам А. И. Герцен признавал наличие феномена коллективной памяти и его значимость, в том числе для национальной самоидентификации. Так, в «Былом и думам», анализируя интеллектуальное противостояние со славянофилами (в том числе с рассмотренным выше И. В. Киреевским), автор указывает на «прибавление» коллективных воспоминаний западных славян к нашим. То есть речь идет о диффузии памяти нескольких крупных социальных групп, выработке общего массива воспоминаний. Однако в дальнейшем он пишет: «Это основы нашего быта – не воспоминания, это живые стихи, существующие не в летописях» [2, с. 137]. Такое утверждение видится ошибочным хотя бы по той причине, что оно противоречит принципам общественного развития. Любое изменение качественного характера обусловлено накоплением количественных, текущее состояние социума – есть промежуточный результат его самодвижения как преемственности, как поглощения и критической переработки всего, что ранее было выработано человечеством.

Таким образом, мы можем прийти к следующим выводам:

1. Несмотря на то, что в отечественной дореволюционной политико-правовой мысли середины XIX – начала XX в. напрямую не артикулировалась мемориальная функция права [20], внимательный анализ работ рассматриваемого периода позволяет обнаружить некоторые идеи в области взаимосвязи права и памяти.

2. Наиболее богата на прямое или косвенное освещение представленной проблематики идеалистическая философская традиция, которая, в частности, находит свое выражение в трудах И. В. Киреевского, П. И. Новгородцева, Б. Н. Чичерина, Л. И. Петражицкого.

В не меньшей степени интересны и взгляды таких материалистов, как Н. Г. Чернышевский и А. И. Герцен.

3. Нередко взаимосвязь права и памяти характеризовалась через легитимирующую роль коллективных воспоминаний для юридического государственного права (например, И. В. Киреевский, А. И. Герцен). Авторитет истории, опыта подкреплял авторитет закона, его историчность ассоциировалась с рациональностью и достоверностью. Кроме того, коллективная память в трудах мыслителей воспринималась как основа (например, Б. Н. Чичерин, Н. Г. Чернышевский) или элемент механизма (Л. И. Петражицкий) для конструирования/формирования права. Кроме того, некоторые представители отечественной политико-правовой мысли указывали, что право либо является собой формализованную память, либо может быть нацелено на формирование коллективной памяти современного ему общества. То есть, по сути, признавалась как мемориальная природа, так и мемориальное воздействие права, что в своей совокупности говорит и о наличии соответствующей функции.

4. Критицизм по отношению к коллективной памяти и ее взаимосвязи с правом со стороны рассмотренных представителей материализма, по нашему мнению, обусловлен во многом лежащими в основе их суждений метафизическими установками. В связи с этим не учитывалась логика развития социальной и правовой действительности, влияние на эти процессы коллективной памяти, и наоборот.

Список использованных источников

1. Андреев Н. Ю. О теоретико-правовых взглядах И. В. Киреевского // Современное право. 2013. № 4. С. 156–160.
2. Герцен А. И. Былое и думы (отрывки). М.: Гослитиздат, 1933. 167 с.
3. Герцен А. И. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1986. Т. 2. 657 с.
4. Захаров А. В. Государственно-правовые воззрения Б. Н. Чичерина: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2001. 212 с.
5. Касьянов А. О. Политико-правовые взгляды Н. Г. Чернышевского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 31 с.
6. Катенина Н. В. Философско-правовое учение Б. Н. Чичерина как явление русской мысли: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2012. 31 с.
7. Кацапова И. А. Правовая идея П. И. Новгородцева: нравственное начало общественной жизни и его выра-

жение в морали и праве // История философии. 2011. № 16. С. 185–207.

8. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 248–293.

9. Клименко А. И. Диалектико-материалистическое понимание правовых ценностей в рамках социоаксиологического подхода к праву и дискурсивно-конвенциональной правовой теории // История государства и права. 2024. № 1. С. 2–8.

10. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М.: Детская литература, 1988. 238 с.

11. Лосев А. Ф. Русская философия // Очерки истории. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 591 с.

12. Лядов В. В. Мораль и право в политико-правовой мысли России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 28 с.

13. Новгородцев П. И. Введение в философию права: Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. 268 с.

14. Новгородцев П. И. Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6. С. 103–113.

15. Новгородцев П. И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. 446 с.

16. Павлов А. В. Учение о государстве и праве А. И. Герцена: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 21 с.

17. Пантин И. К. А. И. Герцен: начало либерального социализма // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 118–131.

18. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности: эмоциональная психология. М.: URSS, 2010. 311 с.

19. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 606 с.

20. Ситников К. А. Мемориальная функция права: к постановке проблемы // История государства и права. 2025. № 1. С. 32–40.

21. Сухов А. Д. Материалистическая традиция в русской философии. М.: ИФРАН, 2005. 258 с.

22. Тимошина Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и пост-классического правопонимания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 44 с.

23. Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии. Genève-Bale-Lion: H. Georg, 1875. 103 с.

24. Чернышевский Н. Г. Что делать? СПб.: Изд. М. Н. Чернышевского, 1906. 317 с.

25. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки: в 3 т. М.: Тип. тов-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1896. Т. 2. 433 с.

26. Чичерин Б. Н. Философия права. М.: Тип. тов-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1900. 337 с.

27. Щанкина Л. Н., Изютина С. В. Проблемы и этапы развития юридической науки и образования в России // Право и экономика / гл. ред. Г. Н. Петров. Чебоксары: Среда, 2020. С. 22–34.

28. Харари Ю. Н. Sapiens: краткая история человечества. М.: Синдбад, 2019. 516 с.

References

1. Andreev N. Yu. On the theoretical and legal views of I. V. Kireevsky. *Modern law*. 2013. No. 4. P. 156–160 [in Russ.].

2. Herzen A. I. My Past and Thoughts (excerpts). Moscow: State Publishing House of Fiction, 1933. 167 p. [in Russ.].

3. Herzen A. I. Essays: in 2 vols. Moscow: Mysl Publ., 1986. Vol. 2. 657 p. [in Russ.].

4. Zakharov A. V. B. N. Chicherin's state-legal views: a thesis for the degree of PhD in Law. Tambov, 2001. 212 p. [in Russ.].

5. Kasyanov A. O. Political and legal views of N. G. Chernyshevsky: synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law. Moscow, 2024. 31 p. [in Russ.].

6. Katenina N. V. The philosophical and legal doctrine of B. N. Chicherin as a phenomenon of Russian thought: synopsis of a thesis for the degree of PhD in Philosophy. Moscow, 2012. 31 p. [in Russ.].

7. Katsapova I. A. The legal idea of P. I. Novgorodtsev: the moral principle of public life and its expression in morality and law. *History of Philosophy*. 2011. No. 16. P. 185–207 [in Russ.].

8. Kireevsky I. V. On the nature of the enlightenment in Europe and its relation to the enlightenment in Russia. *Criticism and aesthetics*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. P. 248–293 [in Russ.].

9. Klimenko A. I. Dialectical-materialistic understanding of legal values within the framework of a socio-axiological approach to law and discursive-conventional legal theory. *History of the state and law*. 2024. No. 1. P. 2–8 [in Russ.].

10. Likhachev D. S. Letters about the good and the beautiful. Moscow: Detskaya literatura Publ., 1988. 238 p. [in Russ.].

11. Losev A. F. Russian philosophy. *Essays on history*. Sverdlovsk: Ural University Publishing House, 1991. 591 p. [in Russ.].

12. Lyadov V. V. Morality and law in the political and legal thought of Russia: synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law. Krasnodar, 2014. 28 p. [in Russ.].

13. Novgorodtsev P. I. Introduction to the philosophy of law: the crisis of modernity legal awareness. Moscow: Nauka Publ., 1996. 268 p. [in Russ.].

14. Novgorodtsev P. I. Law and morality. *Jurisprudence*. 1995. No. 6. P. 103–113 [in Russ.].

15. Novgorodtsev P. I. Essays. Moscow: Raritet Publ., 1995. 446 p. [in Russ.].

16. Pavlov A. V. The doctrine of the state and law by A. I. Herzen: synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law. Vladimir, 2007. 21 p. [in Russ.].

17. Pantin I. K. A. I. Herzen: the beginning of liberal socialism. *Questions of philosophy*. 2006. No. 3. P. 118–131 [in Russ.].

18. Petrazhitzky L. I. Introduction to the study of law and morality: emotional psychology. Moscow: URSS, 2010. 311 p. [in Russ.].

19. Petrazhitzky L. I. Theory of law and the state in connection with the theory of morality. St. Petersburg: Lan Publ., 2000. 606 p. [in Russ.].

20. *Sitnikov K. A.* Memorial function of law: towards a problem statement. *History of the State and law*. 2025. No. 1. P. 32–40 [in Russ.].

21. *Sukhov A. D.* The materialistic tradition in Russian philosophy. Moscow: Institute of Philosophy RAS, 2005. 258 p. [in Russ.].

22. *Timoshina E. V.* Theory and sociology of law by L. I. Petrazhitzky in the context of classical and postclassical legal understanding: synopsis of a thesis for the degree of Doctor in Law. Moscow, 2013. 44 p. [in Russ.].

23. *Chernyshevsky N. G.* The anthropological principle in philosophy. Genève-Bale-Lion: H. Georg, 1875. 103 p. [in Russ.].

24. *Chernyshevsky N. G.* What to do? St. Petersburg: Publishing house of M. N. Chernyshevsky, 1906. 317 p. [in Russ.].

25. *Chicherin B. N.* The course of state science: in 3 vols. Moscow: Printing house of the I. N. Kushnerev and Co. partnership, 1896. Vol. 2. 433 p. [in Russ.].

26. *Chicherin B. N.* Philosophy of law. Moscow: Printing house of the I. N. Kushnerev and Co. partnership, 1900. 337 p. [in Russ.].

27. *Shchankina L. N., Izutina S. V.* Problems and stages of development of legal science and education in Russia. *Law and economics*. Cheboksary: Sreda Publ., 2020. P. 22–34 [in Russ.].

28. *Harari Yu. N.* Sapiens: a brief history of mankind. Moscow: Sinbad Publ., 2019. 516 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 27.05.2025

Received May 27, 2024